

Камышин, 23 января. (Корреспонденция «Саратовского Дневника»). С последних месяцев прошлого года по настоящие числа, из многих католических селений Камышинского уезда, особенно лежащих на саратовском почтовом тракте или близ его, положительно не выходят разных свойств горячки – простудные и тифозные. Нападая на оба пола и все возрасты, поражая одного, двух лиц в семействе, они укладывают в постель целые семьи и уносят на тот свет не малое количество земных странников. Свив здесь прочные гнезда и захватывая по временам другие католические же селения, они ни на короткий срок не покидают избранных ими мест, оставляя в тоже время совершенно нетронутыми лютеранские селения, хотя последние смежны с первыми и находятся с ними в постоянных сношениях. Факт, в одной части будучи вполне печальным, в другой – отрадным, в общем представляет не малую странность и поневоле вызывает на вопрос, что же тому за причина? Ответ: крайнее невежество здешних немцев-католиков и грязная их жизнь. Один из местных пасторов, очень умный, образованный, много лет проживший в здешних колониях, характеризует камышинских немцев следующими словами: «все хорошее, с которым пришли из Германии в Россию, они забыли и уничтожили, все же дурное свое они оставили при себе, и к нему прибавили еще в неотъемлемую свою собственность все дурное русское». С этим очерком согласится каждый, кто только вполне знает здешних немцев. В особенности эта краткая характеристика верна относительно немцев-католиков. Расположение и уважение к труду, особенно умственному и моральному, склонность к любознательности и всякой прогрессивности они почти совсем задушили, держась труда почти физического и то настолько, чтобы он мог доставлять какой-либо кусок хлеба, притом труда по возделыванию пашни на летнее только время. Любовь к чистоте, аккуратности, порядку в семейном, домашнем быту, всякую склонность в предприимчивости, чувство приличия подавили. Последствиями всего явились: поразительное оупение умственной деятельности и оскудение самых обыкновенных, первоначальных познаний, масса предрассудков и суеверий, загрубелость чувств, даже присущих животным существам, закоснелая и положительная бездеятельность, простирающаяся с последней осени на всю зиму и начало весны, бедность со времени введения земских учреждений и общей

воинской повинности год от года усиливается. По этой причине немцы-католики на болезни, которые вообще бывают следствием собственной нашей неосторожности, наших ошибок и промахов, смотрят как на проявление силы и власти божьей., всякое противодействие которому преступно и невозможно. Следующих мер к излечению не принимают, о врачебных средствах не хотят и слышать. Лечение почитают пустой и грешной забавой; докторов и фельдшеров принимают за бездельников. Как обреченные на жертву, покорно лежат они на своих постелях до времени своего выздоровления или смерти, и хладнокровно смотрят на болящих детей. Полнейшая нечистота почти во всем отличает быт и жилища католиков. Комнатный воздух не обновляется, наполнен совершенно невыносимым смрадом, происходящим от разного рода выделений и отделений как людей, так и животных (ягнят, собак, поросят), находящихся в одной с хозяевами комнате, равно от гниения овощей и разного сора, также от сырости и курения доморощенного отвратительного табака. Полы редко моются, зато каждодневно засыпаются взятым со двора песком, увеличивающим сырость. Котлы и корыта, назначенные для стирки белья, употребляются и для варки пищи и размешивания теста. Белье сменяется редко, стирается кое-как, так что смывается более только верхняя и крупная грязь. Постели, для глаз других прикрытые чистенькими занавесками и простынкой с узорчатой нашивкой, и состоящие из тюфяка, набитого соломой, двух перинок, из которых одна служит одеялом, далее, подушек, наполненных соломой или перьями с пухом, скверны до последней степени отвращения. Тюфяки, перины, подушки не проветриваются, наволочки, солома – не переменяются или сменяются чрезвычайно редко. Все здесь до такой степени грязно, промозгло, протухло, промерзло, что удивляешься, как люди не видят, не чувствуют, не отстраняются от того, чего избегают по своему инстинкту животные. Вот где и в чем должно искать причины болезни. Честь и хвала католическим священникам, в особенности священникам села Семеновки и Памятного, всегда и везде, в особенности в церквях, с необыкновенным рвением борющимся против укоренившегося невежества своих прихожан, их тупой неподвижности во всем и безобразной жизни. Жаль и прискорбно только, что слова и речи их остаются гласом вопиющего в пустыне.

Камышин, 30 мая. (Корреспонденция «Саратовского Дневника»).

Местные немцы положительно поражают своей грубостью, неотесанностью, невежеством и одичалостью. О них сложилось столько диковинных рассказов и анекдотов, что всех не переслушаешь. Немец, имея нужду в начальстве, и вообще в лице, гораздо себя высшем, не подумает быть доложенным о себе. Без всякого стеснения, испачканный и загрязненный, идет в залу, гостиную и даже кабинет и спальню и приятельски протягивает свою руку. Не так давно один немец, и, кажется, еще сотник представился таким образом бывшему начальнику губернии. Вообще, наш немец малосообразителен и непонятлив. Чтобы втолковать что-нибудь немцу, нужно объяснить ему много и много. Новобранцы из немцев туго усваивают солдатскую науку; с трудом и только немногие немцы научаются кое-как русскому языку. Перевираание ими русских слов всем известно. Немец горд и себялюбив. Без предупреждения, знаков заискивания и забегания пред ним, он оставит без ответа предлагаемые ему вопросы, как бы ни были они интересны и нужны; в случае повторения вопросов, готов на резкость и дерзость. Он любит, чтобы относились к нему всегда почтительно и непременно называли его по имени и отчеству; полуимени не выносит; сам же, как это нередко можно встретить в городских лавках, относится полуименем не только к приказчикам, но и к их хозяйевам-купцам. Он не заговорит раньше, не поклонится прежде, не свернет с дороги, на ней не поможет в случае беды; странноприимства чужд. Жутко бывало останавливаться бедным рекрутам и солдатикам в немецких колониях на ночлег и на дневки. Немец празднлюбив, к труду, особенно тяжелому, к упорному и продолжительному – не способен, уважает легкие и прибыльные занятия, расположения к предприимчивости не имеет, о заработках на чужой стороне не думает. От того он беден, и бедность заедает его год от года все больше и больше; от того из немецких селений нищих стало гораздо более, чем из русских и особенно малороссийских. В семействе н господин, деспот. Жена его настоящая раба, обязанная нести всякий гнет с его стороны, главная и всегдашняя работница. Летом она находится с ним в поле за общей работой, зимой, без отдыха, - в занятиях по домашнему и дворовому хозяйству. Дети помогают ей в последнем. Сам же глава семейства зимой ничего не делает; он погружен в свою трубку, набитую тютюном и в свою мягкую постель, состоящую из двух

грязных и вонючих перин, под ним и над ним. С нее сходит он неохотно, и, по своему него- и сладострастию, вечно бы проводил в ней время «цузаммен», если бы за женой не стояли разного рода работы. От того у немцев рождение детей обильное, но детей большей частью болезненных, слабых, хилых, узкогрудых. Здесь лежит немалая причина того, что во время призыва новобранцев попадает много немцев с недостаточной развитостью организма и не вышедшей в меру грудью. Немец имеет дух общительности слабый, к благотворительности глух, малоуживчив, обязанности общественные несет более по неволе, с трудом переносит подчинение начальству. Как немцы смотрят на долг свой государству, которое их приютило, наделило лучшими и в большом количестве землями, осчастливило вековыми преимуществами и льготами, ясно показало их переселение в Америку в громадном количестве семей при открытии всеобщей воинской повинности. В общем просвещении немцы ушли весьма недалеко и стоят на той же ступени его, на которой были назад тому несколько десятков лет. Правда, училищ и учебных пособий у них больше, достоинство пособий выше, учащихся также больше, чем у русских; но эти училища возникли, разные пособия введены не в силу их сознания потребности в образовании, а единственно по инициативе и настоянию благодетельного им начальства в былое, приснопамятное для них, время, и очень мало подвинули и подвигают вперед по пути умственного развития. Увеличение числа училищ в последующее время было небольшое. Приемы в полевом и домашнем хозяйстве рутинные. Кругозор понятий о предметах самых обыкновенных узок до убожества. Недавно в камышинскую аптеку вошла толпа родных между собой немцев с требованием лекарства, связывающего любовью мужа с женой, и очень была раздосадована отказом в отпуске такого средства. После этого не может показаться странным протест одного земского гласного в прошлом очередном земском собрании против объявленной в нем подписки на училище и стипендию в память незабвенного Гоголя, по той причине, что Гоголь и без того получает хорошее жалованье (протест этот разделили и другие немцы-гласные). Выписка газет мизерная; о выписке журналов и книги и говорить нечего, несмотря на то, что в среде немцев есть люди состоятельные. Религиозное просвещение стоит на низкой степени; оттого нередко появление сект, как в теоритическом, так и в нравственном отношениях,

уродливых. Язык колониистский самый нечистый и исковерканный, наполненный идиотизмами и барбаризмами, и, как по произношению, так и по обработке своим слишком далеко ушел от своего первообраза. Лица, владеющие более или менее чистым немецким языком, с особенным трудом и в продолжение длинного времени добиваются понимания его.

Но хорошо тому жить, кому бабушка ворожит! Немец здешний и единственно только немец, без подряда и контракта, всегда находит благодарную работу по постройке и починке дорожных мостов, исправлению дорожного полотна, вырытию канав, ремонту земских построек и помещений, находит покровительство в съеме земских станций и т.д. Отчего же это? От того, что, как выразился один администратор, если бы в Камышине был еще исправник немец, то в нем бы была настоящая балтийская колония.

Саратовский дневник, 1882, № 117, с. 2.